

на умѣ Богъ знаетъ что, а тутъ тебя городничій за недоимки поретъ, на основаніи закона. Совсѣмъ народа здѣсь нѣтъ, поговорить не съ кѣмъ...

— Не съ кѣмъ, — подтвердилъ Корневъ уныло, наливая себѣ вторую рюмку. — Тоска одолеваетъ! Хоть бы книги были, что-ли а то и ихъ нѣтъ.

— Журнала никакого не выписываете?

Корневъ горько улыбнулся.

— Журналъ! Съ меня и теперь еще вычитаютъ — годовое жалованье впередъ забралъ при поступленіи: — брата надо было устроить, сестру... Ну-ка, ухитритесь-ка выписать журналъ: предлагалъ было товарищамъ выписывать вмѣстѣ — говорятъ, денегъ нѣтъ.

— Да, на ваше жалованье не разживешься: — двадцать четыре съ полтинкой...

— Да еще вычеты при этомъ!

Корневъ выпилъ третью рюмку.

— Да что журналъ! Мнѣ, Кузьма Мосейчъ, люди нужны, люди! Я привыкъ къ людямъ, я все время на людяхъ жилъ, вмѣстѣ съ людьми и отдыхалъ, и работалъ, а теперь... Эхъ!

Корневъ махнулъ рукой и опустилъ голову. Водка сильно подѣйствовала на него съ непривычки. Явилась потребность шлить все, что накопилось на душѣ за время долгаго молчанія.

— Вѣдь я почему только сюда пошелъ? — Онъ помолчалъ. Денегъ скопить хотѣлъ, чтобы потомъ опять въ университетъ ѣхать. Всего на годъ хотѣлъ себя здѣсь замуравить. Ну, вотъ и годъ прошелъ. Гдѣ же деньги? гдѣ деньги? — онъ стукнулъ по столу кулакомъ.

— Нѣтъ у васъ? — спросилъ Кузьма Мосейчъ.

— Есть, — отвѣтилъ Корневъ съ разстановкой и мрачно: — три рубля съ копейками, да въ казначействѣ лежатъ впродъ до 20-го. Онъ выпилъ еще.

— Ну-съ, какъ же это Евгенийъ Александрычъ въ университетъ поступить? — спросилъ онъ самъ себя иронически. — Думалъ онъ здѣсь уроками разжиться. Помилуйте! человекъ образованный, представитель науки, такъ сказать: къ кому же и будутъ обращаться, какъ не къ нему! А оказалось, — добавилъ онъ медленно, — что здѣсь въ урокахъ и не нуждаются совсѣмъ, сами все знаютъ... Денегъ нѣтъ, значить, ѣхать нельзя, тѣмъ болѣе, что казнь еще долженъ. И пришлось мнѣ остаться еще на годъ. А кто знаетъ, что черезъ годъ будетъ? Можетъ быть, мнѣ тогда и